

М. Викторова

**Составители Киево-
Печерского патерика и
позднейшая его судьба**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Викторова**
Составители Киево-Печерского патерика и позднейшая его судьба / М. Викторова – М.: Книга по Требованию, 2014. – 42 с.

ISBN 978-5-458-06459-0

Историко-литературный очерк покойной переводчицы Киево-Печерского патерика на современный русский язык М.А. Викторовой. С предисловием И. Ю. Некрасова.

ISBN 978-5-458-06459-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

было воспоминаніе. Словомъ, русская, археологія должна быть уже не наукою древностей; она, въ истинномъ своемъ смыслѣ, есть наука древняго въ настоящемъ; она входитъ, какъ важная, какъ перво-степенная отрасль въ наше воспитаніе умственное, а еще болѣе сердечное.... (См. въ 1-мъ т. Соч. Хомяк. Предисл. къ Сборн. Кирѣевского, стр. 480). И когда изслѣдователь русской старины руководится этими убѣжденіями въ своихъ научныхъ работахъ, онъ и своимъ изслѣдованіямъ придаетъ жизненное значеніе— конечно въ мѣру своего таланта. По крайней мѣрѣ, этотъ изслѣдователь не превращается ни въ исключительнаго архивнаго кописта, ни въ ходульнаго теоретика, искажающаго исторію — хотя бы въ угоду самымъ либеральнымъ тенденціямъ. Но воспитать въ себѣ указанные убѣжденія и выражать ихъ дѣломъ можетъ изслѣдователь, обладающій не только лишь талантомъ, но вмѣстѣ и широкимъ общимъ образованіемъ. Въ своей статьѣ о «переложеніи» Патерика, сдѣланномъ М. А. Викторovou, мы достаточно обозначили вліяніе этого образованія на литературный талантъ покойной писательницы. Ея научныя симпатіи остановились на памятникахъ русской старины и народности. Ея чуткая душа умѣла выбирать цѣнный матеріалъ для своихъ научныхъ занятій. Въ послѣднихъ же выразилась вся серьезность и образованность литературныхъ силъ молодого таланта. Мы, по силѣ умѣнья, оцѣнили, въ вышеупомянутой статьѣ нашей, достоинство перевода Патерика на современный языкъ литературный. Въ предлагаемомъ ниже изслѣдованіи М. А. Викторова попыталась, и не безуспѣшно, выставить въ извѣстномъ свѣтѣ происхожденіе, значеніе и литературную судьбу Патерика Печерскаго, этого важнѣйшаго памятника древней русской письменности. Чтобы оцѣнить самостоятельность и живость взгляда покойной Викторовой на предметъ своего изслѣдованія, намъ необ-

ходимо войти здѣсь въ нѣкоторыя историческія поясненія.

«Славяне, по словамъ Шафарика, подобно каждому великому племени, богатому славными дѣянiями, счастливыми и несчастными событіями, имѣли у себя свои народныя преданія, повѣсти и сказанія, своихъ пѣвцовъ и вѣщихъ, глашатаевъ благо потомству. Богатырскія пѣсни распѣвались при подшвѣ Геклы въ Исландіи и Татрь въ Польшѣ; дѣянiя и событія, напоминавшія славу и прiятность счастья, равно какъ и горечь несчастiя, рассказывались въ скалахъ Каледоніи и ущельяхъ и пещерахъ близъ Кракова. Здѣсь и тамъ преданія, повѣсти, рассказы и сказки сохранили отдаленнымъ потомкамъ память о самыхъ древнѣйшихъ происшествiяхъ. Лучшія доказательства на то представляютъ намъ собою значительныя остатки простонародной поэзіи Чеховъ, Русовъ и Сербовъ...» (Славян. Древн. въ переводѣ О. М. Бодянскаго, Т. 2-й, кн. 2-я). Но чтобы народныя преданія и повѣсти могли служить дѣйствительнымъ пособіемъ для объясненія исторической были, полученной изъ чисто-историческихъ источниковъ; чтобы въ этихъ преданiяхъ и повѣстяхъ отразилась «поучительная картина внутренней жизни народа, образа его мысли и чувствованiй, коротко, его духовнаго бытія»: эти преданія и повѣсти «должны быть подлинны, древни, безпримѣсны, сохранены вѣрно и не изуродованы учеными передѣльщиками...» Между тѣмъ, древнѣйшіе Польскіе лѣтописцы, не въ примѣръ всѣмъ лѣтописцамъ другихъ славянскихъ племенъ, будто умышленно позаботились совершенно исказить древнiя преданія своего народа.... Если бы они, по замѣчанію Шафарика, «передали намъ по-польски, вѣрно и чисто, и притомъ слово въ слово, какъ слышали отъ талантливѣйшихъ пѣвцовъ своего времени, всѣ эти повѣсти и сказанія, изъ коихъ съ такимъ трудомъ составили себѣ ученое ве-

деніе къ своимъ лѣтописямъ, то, разумѣется, этимъ доставили бы намъ безцѣнный памятникъ умственной жизни древнихъ Поляковъ» (ibid.). Но къ сожалѣнію, Польскіе лѣтописцы этого не сдѣлали; они даже лѣтописи свои составили на варварской Латыни, и въ разсказахъ о древности Польской представили «безобразную смѣсь» родныхъ сказаній съ событіями иноплеменныхъ народовъ; безъ всякой критики они переплели Славянскую исторію «вовсе неумѣстно и бессмысленно выдержками изъ Римскихъ классиковъ...» Польскіе лѣтописцы, по справедливымъ словамъ того же Шафарика», изъ всѣхъ силъ старались превзойти другъ друга этой, лишенной всякой критики, безладицей» (ibid.)... Заключимъ такой отзывъ многученаго и высокодаровитаго Шафарика о польскихъ лѣтописцахъ слѣдующими его выраженіями: хотя эти лѣтописцы «были, сколько извѣстно, природные Славяне, именно Поляки, однакоже *истинный духъ Славянства совершенно оставилъ ихъ*, какъ скоро набили они себѣ полонъ ротъ этой Латынью. Оттого всѣ безпристрастные и чуждые слѣпой любви къ домашнимъ беспорядкамъ и усобицамъ, цѣнители ихъ..... единогласно относили ихъ къ разряду самыхъ пошлыхъ дѣписателей Среднихъ вѣковъ, и, не смотря на всѣ усилія новѣйшихъ, весьма ученыхъ и безстрашныхъ, защитниковъ ихъ, графа Оссолинскаго и Лелевеля, никому не удалось этихъ араповъ сдѣлать бѣлыми»... (ibid.). Такимъ образомъ возможность имѣть намъ точныя данныя для возможно вѣрнаго представленія первоначальной Польской исторіи утрачена навсегда; и смѣемъ думать, сама Польша подписала своей будущности смертный приговоръ такимъ страннымъ отношеніемъ къ своей древности народной.....

Въ самомъ дѣлѣ, только образцы немногихъ полонизмовъ въ языкѣ первой польско-латинской Лѣтописи Галла могли указать ученые ея издате-

ли, Шляхтовскій и Кёнке (см. Pertz, *Scriptorum tomus IX*, предисл. къ Галлу); а возьмемъ указаніе прекрасной надгробной пѣсни Болеславу: «*tanti viri, funus mecum* и т. д... *Latinorum et Slavorum quotquot estis incolae.* (Pertz, *ibid.* p. 435) Шляхтовскій дѣлаетъ здѣсь примѣчаніе: «*distinguit Polonos ecclesiae occidentalis et orientalis*»; но спрашивается, много ли можно почерпнуть прямыхъ извѣстій изъ древнѣйшихъ Польскихъ лѣтописей объ этихъ «полякахъ восточной церкви»? Нѣтъ: можно при знакомствѣ съ этими лѣтописями лишь убѣдиться, что православіе въ нѣкоторую пору было сильно въ Польшѣ; а едва ли самый проникательный и безпристрастный изслѣдователь сладить представить намъ хотя въ общихъ очертаніяхъ историческую судьбу этого православія... Наслой латинства навсегда укрылъ отъ нашихъ глазъ подобныя стороны древнепольской народной жизни. Нечего уже говорить о послѣдующемъ за Галломъ Кодлубкѣ, котораго лѣтопись болѣе Галловской одѣла непрогляднымъ туманомъ многія чисто-славянскія стороны этой жизни. Нечего говорить и о Богуфалѣ, у котораго найдемъ развѣ немногія, въ славянскомъ тонѣ, выраженія, въ родѣ: «*sicque illud sydus patriae Kazimirus occubuit...*» (о смерти Казимира; въ родѣ русскаго эпическаго выраженія: «закатилась звѣзда ясная,» когда говорится о смерти лица, которое при жизни вызывало сочувствіе)—(Boguph. *Sommersb.* Т. II-й, p. 50.). При внимательномъ изслѣдованіи древнихъ Польскихъ лѣтописей можно еще отыскать въ нихъ немного капель чисто-народной славянской струи какъ въ изложеніи, такъ и содержаніи... И что же причиною, что Поляки забыли свою исконную славянскую древность? Мы отвѣтимъ снова выраженіями Шафарика: обвиненіе въ этомъ падаетъ не «на однихъ лишь древнѣйшихъ Польскихъ лѣтописцевъ, въ самомъ дѣлѣ жалкихъ и неуклюжихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, причиною того было и то обстоятельство, что

Латынь, присвоившая себѣ исключительное господство въ Польшѣ, отъ введенія Христіанства до самаго конца XV столѣтія, совершенно было подавила народный языкъ, какъ средство образованія. Отъ этого случилось, что Поляки не могутъ похвалиться, изъ цѣлой этой длинной эпохи Среднихъ вѣковъ, почти до самаго пятнадцатаго столѣтія, ни однимъ памятникомъ роднаго языка (развѣ нѣсколькими пустыми книжонками духовнаго содержанія, переведенными съ Чешскаго на Польскій яз.)».... Шафарикъ замѣчаетъ еще, — что ни одинъ славянской народъ, сколько нибудь замѣчательный по своей величинѣ, не представляетъ въ этомъ отношеніи такой бѣдности, какъ Поляки (*ibid.*). И вотъ подъ гнѣтомъ латинскаго просвѣщенія погибаетъ былевое творчество польскаго народа, погибаютъ памятники его религіознаго творчества (см. въ нашей статьѣ о духов. стихахъ — 12 Пятницъ — Филол. Зап. 1870 г. вып. III.); большею частію уродуются и многія стороны оригинальнаго славянскаго характера его жизни. Направленіе въ антиславянскомъ духѣ, разъ данное польской жизни, росло все болѣе вмѣстѣ съ ходомъ послѣдней. Оно проникло не одну чисто Польскую страну; оно заразило собою и тѣ русскія области, которыя имѣли несчастіе подпасть подъ временное Польское иго; оно, до нашего времени, весьма не легко уступаетъ напору освѣжающихъ вліяній новой жизни, которыми вѣтъ на эти области; оно разными, едва уловимыми путями проникало и чисто-русскую общественную жизнь въ нашемъ отечествѣ. Поддерживать силу указанныхъ, новыхъ русскихъ, вліяній и бороться противъ указаннаго, латинскаго омертвляющаго, направленія, — это долгъ и кровный интересъ всякаго истинно-русскаго человѣка, имѣющаго къ тому лишь нравственный доступъ и посильныя духовныя средства.

И борьба эта, быть можетъ, важнѣе и плодотворнѣе въ области литературной, чѣмъ сколько въ

области политической: по крайней мѣрѣ, внѣшняя политическая борьба мало можетъ сдѣлать безъ опоры нравственной, безъ опредѣленнаго умственнаго настроенія. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, живутъ и усиливаются извѣстные политическія направленія, какъ не извѣстнымъ, соответственнымъ, воспитаніемъ ума и чувства общественнаго? Такимъ образомъ, если нравственное и умственное польское вліяніе исторически направлено на заглушеніе русской стихіи въ русскихъ людяхъ, то послѣднимъ, особенно въ наше время, предстоитъ неуклонный, энергическій трудъ вполнѣ и во всемъ эмансипировать русскую мысль и чувство отъ этого непрошеннаго вліянія. Въ области же литературной сводятся всѣ основы, процессъ и самые результаты исторической жизни всякаго историческаго народа; въ этой области бьетъ источникъ духовной силы народа для его саморазвитія, для его самоопредѣленія въ кругу разныхъ иноземныхъ вліяній. Извѣстно, какъ послѣдняя польская оппозиція противъ Россіи вся обязана своею силою опредѣленному литературному направленію, въ которомъ воспитывались цѣлыя польскія поколѣнія....

Между тѣмъ, русская литература, въ большинствѣ данныхъ случаевъ, отличалась до сихъ поръ или какою-то благодушною довѣрчивостью ко многимъ очень страннымъ явленіямъ помянутой польской литературы, или же просто нѣкоторою робостью въ борьбѣ съ нею. Скажемъ болѣе: современная русская литература или совсѣмъ игнорируетъ богатую количественно польскую литературу, или же слишкомъ поступается, и безъ всякаго основанія, передъ нею своимъ внутреннимъ достоинствомъ. Послѣдній фактъ даже поразителенъ по глубокой несправедливости, которую онъ выражаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Чешскія хроники Козьмы Пражскаго и Далимила слѣдуетъ считать по достоинству высшими въ

сравненіи съ древними Польскими лѣтописями, то могутъ ли послѣднія итти и въ сравненіе съ лѣтописями Русскими? Не даромъ даже нѣмецъ, Шлецеръ, призналъ нашего Нестора за величайшаго изъ европейскихкихъ лѣтописцевъ... Перетряхнемъ далѣе всю духовно-латинскую литературу Польши, и опять далеко не въ пользу этой литературы окажется сравненіе ея съ богатою древнерусскою письменностію.. Поляки, пожалуй, готовы и Временникъ Нестора, и Слово о Полку Игоревѣ отнести къ области польской литературы, но беззастрѣчивая готовность ко лжи обыкновенно должна и кончатся лишь ложью. И если мы откроемъ напр. въ польской литературѣ XVI и XVII стол. нѣсколько авторовъ, которыхъ нельзя не почитать уваженіемъ, то увидимъ, что стяжали они себѣ это уваженіе своимъ высокимъ личнымъ талантомъ, посвященнымъ никакъ не на поддержку латино-польскихъ тенденцій извѣстнаго рода... Если мы видимъ въ польской литературѣ, начала нынѣшняго столѣтія, такого европейскаго колосса, какъ Мицкевичъ, то не должны также оставлять безъ вниманія, что великій поэтъ этотъ лишь тамъ великъ, тамъ, позволимъ себѣ выразиться, во всѣхъ отношеніяхъ безупреченъ, гдѣ онъ служилъ дѣйствительно искусству и разумной жизни; но гдѣ талантъ его потраченъ на поддержку помянутыхъ тенденцій, тамъ онъ потраченъ бесплодно, тамъ онъ меркнетъ, лишается своего цвѣта и силы... А вообще, Мицкевичъ долженъ уступить въ силѣ и жизненности содержанія своей поэзіи нашему Пушкину. Если, современно Мицкевичу и послѣ него, открывается передъ нами цѣлая плеяда блестящихъ писателей такъ называемыхъ Украинно-Польскихихъ, то не забудемъ, что *среда народная*, и именно *украинская*, оживляетъ ихъ талантъ на созданіе дѣйствительно замѣчательныхъ произведеній литературныхъ; и гдѣ лишь иные изъ нихъ послужили своимъ талантомъ поддержкѣ тѣхъ же указанныхъ тенден-

цій, тамъ ихъ служеніе оказывается и внутренно безцвѣтнымъ, безсильнымъ. А вообще, несравненно содержательнѣе и глубже захватывала и захватываетъ русскую народную жизнь русская литература... Въ русской литературѣ мы видимъ болѣе содержанія общечеловѣческаго, которымъ всегда мѣряется степень силы и достоинства всякой національной литературы, — болѣе, нежели во всей количественно богатой литературѣ польской; и все, что есть дѣйствительно великаго въ послѣдней, все, что въ ней исполнено живаго смысла и общечеловѣческихъ интересовъ, все это не скрѣплено органическою связью съ сущностью латинополонизма, все это въ корню противрѣчитъ стремленіямъ и характеру послѣдняго. А между тѣмъ, этотъ нравственно узкій, односторонній и лишенный силы живаго развитія латинополонизмъ составляетъ *всю* силу *исторической* жизни Польши; и онъ сгубилъ Польшу; онъ имѣлъ громадное стѣсняющее вліяніе на духовную жизнь русскихъ массъ, подпавшихъ временному владычеству Польши...

«О времена рыдательныя!» восклицалъ въ началѣ XVII-го вѣка краснорѣчивый южнорусскій православный проповѣдникъ, Кириллъ Транквилліонъ, горестно изображая всю тягость народной жизни своего времени; мы не обинуясь скажемъ, что это воззваніе можетъ характеризовать собою и пресловутую южнорусскую литературу указаннаго періода, такъ крѣпко стоявшую за православіе, такъ энергично боровшуюся съ польскимъ католичествомъ или все то же — съ притязаніями латинополонизма. Намъ дороги представители этой литературы, какъ мужественные борцы за духовную самостоятельность русской народности; имъ отъ насъ и сердечный почетъ въ области историческихъ воспоминаній; но — могли ль они сами вполнѣ быть свободны отъ вліяній своего противника? Нѣтъ: мертвациій схоластицизмъ Латинства заражаетъ собою, черезъ Польшу, и южно-русскую, по

преимуществу, духовную литературу; онъ создаетъ цѣлое направленіе въ русскомъ образованіи на долгое время; какъ яркое характерное проявленіе этого образованія возьмемъ хотя проповѣди Стефана Яворскаго (см. превосходное изслѣдованіе г. Самарина: «*Феофанъ Прокоповичъ*»); вспомнимъ наконецъ всю традиціонную силу латино-схоластическаго образованія въ нашихъ среднихъ и высшихъ духовныхъ школахъ даже настоящаго столѣтія.... Итакъ, южно-русская духовная литература много сдѣлала для нравственнаго блага русскаго народа, стонавшаго подъ игомъ католической Польши; но въ тоже время она воспитала русскій умъ и чувство нѣсколько въ ущербъ ихъ чисто русскому своеобразію; она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ притупила въ русскомъ человѣкѣ чуткость пониманія и различенія кровныхъ отличій и интересовъ русской мысли и жизни... Только для нашего времени, при возрожденіи и новомъ развитіи самостоятельнаго русскаго образованія, выполнима задача всесторонняго освобожденія этой мысли и жизни отъ всякихъ чуждыхъ и вредныхъ вліяній.

Мы слишкомъ достаточно высказались для цѣли нашей—указать живое значеніе изслѣдованія М. А. Викторовой, предлагаемаго послѣ настоящаго предисловія. Въ 50-хъ годахъ XVII-го столѣтія иноки Кіево-Печерской Лавры, всего вѣроятно преподаватели въ Кіевской академіи, принялись готовить *славянское* печатное изданіе Патерика Печерскаго, которое и появилось въ 1661 году. Съ виѣшней стороны изданіе великолѣпно выполнено, и иллюстрировано. Главнымъ редакторомъ его былъ, безъ сомнѣнія, архимандритъ Гизель, ученый ректоръ Кіевской академіи; въ заглавіи Патерика значится, что послѣдній изданъ по благословенію Гизеля. Но каковы внутреннія достоинства указаннаго изданія, о томъ обстоятельно излагается въ изслѣдованіи, написанномъ М. А. Викто-

ровою. Вѣроятно, всякій безпристрастный читатель изслѣдованія признаетъ, что покойная писательница совершенно права въ своемъ строгомъ приговорѣ этому изданію; вѣроятно, онъ съ искреннимъ сочувствіемъ отнесетъ къ энергической защитѣ ея драгоцѣннаго памятника древнерусской письменности отъ безцеремонныхъ извращеній, которымъ подвергся Патерикъ въ угоду господствовавшему, въ свое время, ложнымъ требованіямъ схоластической польско-латинской учености.

Въ дополненіе къ приговору, сдѣланному М. Викторовою, мы считаемъ необходимымъ замѣтить лишь слѣдующее: считать въ наше время Патерикъ, изданный Гизелемъ, за какую то неприкосновенную, чуть не канонизованную, книгу, которая только и достойна быть чтима русскими православными читателями, значитъ не уважать нашей святой старины Русской, значитъ оскорблять память тѣхъ подвижниковъ древней Руси, житія которыхъ въ Патерикѣ описаны, значитъ пренебрегать сокровищами самостоятельнаго русскаго просвѣщенія и забывать первоначальныхъ представителей послѣдняго. Патерикъ составленъ на древне-Русскомъ языкѣ; онъ содержитъ въ себѣ простодушныя, но великія смысломъ и поэтическимъ одушевленіемъ, произведенія лѣтописца Нестора и писателей XIII вѣка, Симона и Поликарпа: почему же современному русскому человѣку необходимо читать Патерикъ въ печатномъ изданіи на языкѣ, имѣющемъ лишь претензію быть чистымъ Славянскимъ языкомъ, на языкѣ, нерѣдко извращающемъ, благодаря неумѣнью компиляторовъ XVII-го вѣка, смыслъ русскихъ выраженій подлиннаго текста? Почему оригинальному творчеству древнерусскихъ писателей современный русскій человѣкъ долженъ предпочитать плохую компіляцію XVII вѣка, въ которой вмѣсто искренняго поэтическаго одушевленія — надутый риторизмъ, вмѣсто исторической правды